

Отзыв

члена диссертационного совета о диссертации

Григория Рафаэлевича Консона «Проявление «Не-Я-Концепции» и переживание катастрофы в европейских художественных практиках XV–XX веков», представленной на соискание ученой степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры

Диссертационное исследование Г.Р.Консона посвящено рассмотрению ряда классических произведений литературы, изобразительного искусства, музыки и кинематографии с точки зрения разработанного автором теоретического подхода. Ключевым в данном случае является выдвинутое Г.Р.Консоном понятие «Не-Я-Концепции» (“Non-Self Conception”), противостоящее или дополняющее уже используемую в литературе идею «Я-Концепции» и ассоциируемое с личностными конфликтами героев исследуемых произведений. Проявления этих конфликтов обозначены как ощущение надвигающейся катастрофы, борьба нравственных идеалов с «дьяволическими», «антихристскими», «ариманическими», преступными и прочими побуждениями, для которых предлагается подробно разработанная систематизация и даже определенные «структурно-семантические формулы», в обобщенном виде воспроизведенные в Заключение диссертации.

Составляющими в них служат самооценка личности, ее притязания на успех в разных вариантах, господство и катастрофические провалы.

Текст диссертации очень насыщенный, изобилует массой ссылок на специальную литературу, причем не только в области искусство- и литературоведения, но и по философии, психологии, криминалистике и другим отраслям знания (панорамный обзор дан во Введении). Автор постарался представить существующие на сегодня точки зрения и высказывания о рассматриваемых произведениях в исчерпывающем виде (что выглядит иногда избыточным, поскольку в итоге очень многие отсылки сводятся к одной-двум кратким цитатам). Общий обзор литературы сопровождается внушительным перечнем публикаций автора (я нахожу его тоже несколько избыточным, т.к. работы по проблемам рецензирования и подготовки кадров, например, не имеют прямого отношения к теме исследования).

Оценивая предложенный в диссертации подход к явлениям художественной культуры в целом, нужно сказать, что он сопряжен с рядом сложностей.

Прежде всего, любые обобщения в этой сфере затруднительны, поскольку все гуманитарные феномены индивидуальны. Здесь могут изучаться не столько жесткие закономерности, сколько тенденции, направления, мода – достаточно субъективные вещи. По-видимому, эта специфика отражена в одном из выводов диссертации, сформулированном несколько замысловато: «в «Не-Я-концепции» есть направленность на пробуждение у реципиента собственной индивидуации её значений. В такой нацеленности сконцентрирован трансмиссионно-позитивный смысл авторской рефлексии на катастрофическое в жизни...».

Второй момент заключается в том, что собственно «Не-Я-концепция» основана на осмыслении понятия человеческой индивидуальности, противостояния «Я» и «Не-Я» в личном сознании, а в этой области существуют совершенно разные подходы с точки зрения, философии, психологии, права, даже медицины – видимо, и в искусствоведении, хотя все они так или иначе взаимодействуют друг с другом. В этом плане теоретические изыскания Г.Р.Консона представляют собой еще один вариант истолкования проблемы индивидуализма в искусстве, противостояния добра и зла в душе человека, романтического героя, богоборчества – причем все такого рода высказывания предшественников диссертант постарался по возможности учесть.

Третий момент, о котором желательно сказать в связи с постановкой данной проблемы – загадочность единственности и множественности самосознания (даже христианский Бог един в трех лицах), отсюда необходимость исследования самовосприятия, самоотрицания и самооправдания индивида, исследования, по-своему предпринятого и в тексте Г.Р.Консона. Понятие «Я» изначально противоречиво в силу условий бытия во времени, в повторяющихся и вместе с тем вечно меняющихся ситуациях – личность есть нечто, всегда сохраняющееся, но всегда не равное самому себе. Возможности научно-систематизирующего подхода к этому феномену опять-таки весьма ограничены, поскольку нет объективной данности индивидуального «Я». В процессе познания «Я» предстает как «Не-Я», некий объект для мыслящего субъекта, в то же время «Я» включает в себя весь внешний и внутренний мир, воспринимаемый через сознание индивида. Мыслимое «Я» это уже некое «Не-Я». Но случай с двойниками, о котором по сути преимущественно идет речь в диссертации Г.Р.Консона, это ценностное противопоставление своего «Я» с позиций идеала противоположному ему «Не-Я», как бы зеркальному отражению.

Особенность, связанная с предметом диссертации, художественным восприятием мира и человека, — это иной способ мыслить, точнее, выражать мысль, слитую с чувством и через чувство. Творчество объективно в том смысле, что в нем есть своя логика, как раз вербально невыразимая, иначе оно исчерпывалось бы объясняющими текстами и было излишним. Поэтому хотя художник (и писатель, композитор) могут и должны осмысливать свое творчество, свои задачи в логической форме, но их воплощение как бы независимо, творец идет за интуицией, за логикой внутренне-внешней по отношению к нему, он ориентируется на некий воображаемый идеал. Объяснения Достоевского или Чехова важны, но не исчерпывают смысла их произведений (так, впрочем, и с текстами ученых, публицистов и пр. – написанные ими книги начинают свой собственный путь).

В искусстве вообще, как, например и в истории, в мифе, в эпосе отвлеченная идея передается через образы, через конкретику ситуаций. При этом сама она теряет нечто, плоский морализм, но приобретает особую, наглядную убедительность. (Скажем, жанр мадонны – он выражает идеи материнства в

разных аспектах, красоту, жертвенность, поучение и др., но зримый образ сильнее словесных описаний).

В трех основных главах диссертации понятие «Не-Я-концепции» и сопряженных с ним принципов катастрофизма и пр., последовательно проводится применительно к анализу отдельных произведений литературы и искусства. Автор приходит к любопытным и оригинальным выводам, хотя иногда его сопоставления выглядят несколько прямолинейными.

Используемая им схема удобна больше всего в тех случаях, когда писатели и художники прибегают к религиозной образности с присущим ей дуализмом или апеллируют непосредственно к церковно-исторической традиции, как поступали иногда М.А.Булгаков и Ф.М.Достоевский. А характеристика «Моцарта и Сальери» Пушкина как «продажи души дьяволу из зависти к гениальному коллеге под предлогом 'во имя искусства'» (С.58) выглядит некой дополнительной надстройкой над замыслом поэта. Но тема убийства и жертвы не обязательно связана с сатанизмом, как и вообще тема преступления, нарушения запретов с богоборчеством. Параллелизм в проблематике, безусловно, есть, и он был отражен в традиционных теориях «лишнего человека», героя и толпы, саморазрушительного эгоизма, но если в «Каменном госте» (в тексте «Дон Жуан», с.58), «Пиковой даме», ряде повестей Гоголя или «Демоне» Лермонтова элементы фантастики и связь с потусторонним миром налицо, то в «Моцарте и Сальери» или в «Герое нашего времени» диалектика личного выбора и диктата морали выстраивается более тонко и противоречиво. Не случайно «Евгений Онегин», где драма «исключительной» личности показана особенно ярко, остается в данном случае в стороне, как и «Преступление и наказание» Достоевского, где право на убийство проблематизировано до предела, но в чисто земных коллизиях. Другое дело «Братья Карамазовы», которым в тексте диссертации закономерно уделено значительное место, прежде всего, естественно, душевным терзаниям Ивана и «Легенде о Великом Инквизиторе». Здесь, как и везде, я бы еще раз подчеркнул своеобразие каждого поворота художественной мысли, вытекающее из сплава многих элементов. Иван Карамазов ведет диалог с чертом, и это, по-видимому, действительно его «Не-Я», то есть все негативное, что он видит в «Я», объективированное в чужом образе, почти пародии. Здесь, несомненно, уместны и философские, и психологические, и наверное, медицинские трактовки, но главной мне представляется важнейшая для Достоевского проблема теодицеи, т.е. оправдание бога перед лицом царящего в мире зла. «Не-Я-концепция» Г.Р.Консона выглядит здесь как частное приложение этой более общей проблемы на уровне индивида, мучительно пытающегося решить для себя вопрос о мировом зле. Достоевский как гениальный художник, выше всего ставящий истину (впрочем, отождествляемую им с Христом), не смог эту проблему разрешить: умственно он исходит из того, что нельзя жить без Бога, но в своих произведениях обосновать этого не может. На более отвлеченном уровне социума тот же вопрос задается в «Легенде об

Инквизиторе», весьма популярной у всех, кто задается целью обличить обмирщение церкви, лицемерие католицизма и вообще властей и т.п. В историко-культурном ракурсе проблемы, занимавшие Достоевского и трактованные Г.Р.Консоном с позиций «Я» и «Не-Я» концепций, обсуждались в связи с понятием «индивидуализма» и эволюции личности в европейской традиции, в частности, применительно к переходу от Средних веков через Возрождение к Новому времени. Эта эволюция понималась как постепенная эмансипация личности на разных этапах от диктата стада, корпорации, социума, государства. Результаты ее оценивались двояко, в том числе и отрицательно – для послеренессансной эпохи как подоплека имморализма, а в наше время как растворение индивидуальности в толпе автономных безликих лиц. Великие личности удаляются с подмостков, на смену им приходят фальшивые звезды (шоу-бизнеса) и блогосфера. На рубеже новой эпохи этот процесс отразился в творчестве А.П.Чехова, для анализа которого Г.Р.Консон избрал рассказ «Черный монах». В нем повторяются мотивы, знакомые по «Братьям Карамазовым» - призрак, беседующий с героем, раздвоение личности, ее постепенная деградация. Но мистико-фантастические элементы и евангельские аллюзии здесь сильно приглушены, антигерой не дьявол, а обыватель (такая трактовка указана в тексте на с. 82). В этой связи уместно указать на автобиографические мотивы у Чехова (отмечено на с.79), не раз обыгрывавшего перерождение героя-доктора в обывателя («Ионыч»), уже без «дьяволизма». Применительно к контексту «Я» и «Не-Я» концепций следует заметить, что любое творчество является выражением авторского «Я», его мыслей, чувств и эмоций в каком бы то ни было виде и соответственно отражает и его время. К началу XX века масштабы героической личности мельчают, ей противостоят не мировые катаклизмы, а бытовая рутина.

Роман М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» логично вписывается в методику исследования Г.Р.Консона, поскольку в нем обнаруживается комплекс уже затронутых ранее проблем и присутствуют библейско-евангельские аллюзии. Но Булгаков в разделении нравственности и религии, в отрицании дуализма уходит дальше Достоевского, его литературный Сатана «вечно хочет зла и вечно совершает благо». Это сложный образ, как впрочем, он сложен и в народном творчестве, и у Пушкина, он то смешон, то страшен, у Булгакова он страшен в тайне абсолютного знания, знания судеб. Он орудие высшей силы, в романе показанной через историю идущего на смерть евангельского Христа и через судьбу следующего за ним вполне земного Мастера. Мастер лишен внешнего героизма, его главные качества – искренность и верность себе, очевидно, это и есть выражение авторского (булгаковского) «Я», хотя я бы не стал настаивать, что Воланд воплощает исключительно «Не-Я», это скорее амбивалентный образ власти над миром. Из произведений зарубежных авторов XIX в. Г.Р. Консон избрал для своего анализа «Шагреновую кожу» О. де Бальзака и «Портрет Дориана Грея» О.Уайльда – романы, не лишенные чертовщины и мистики, и дающие

основание говорить о «катастрофизме» и «одьяволении» в смысле человеческой деградации и нравственного падения. Но опять-таки правомерными выглядят и другие прочтения этих сюжетов, скажем, как размышления над неизбежностью уходящей жизни, над тем, как тратится ее капитал.

Жанр отзыва не предполагает возможности подробно останавливаться на всех частях диссертации, поэтому о других разделах скажу кратко. Выбор И.Босха и П.Брейгеля для анализа живописной традиции «катастрофизма» во второй главе обосновывается теми же принципами – наличием в их произведениях фантазмагорий, притчевости, евангельской тематики, что, впрочем, характерно и для множества других художников, особенно послеренессансного периода. Следует также подчеркнуть своеобразие каждого из них, тем более что их творчество принадлежало к разным эпохам (об этом ниже). Хотя сегодня противопоставлять Средние века и Ренессанс не принято, Босх с его нравоучительным аллегоризмом ближе к первым, Брейгель же унаследовал от Возрождения некоторый вкус к поискам природной гармонии, правда, омрачаемой коллизиями реформационного времени.

Третья глава, посвященная музыкальным произведениям, отличается наиболее тонким и тщательным анализом творчества исследуемых композиторов. В частности, много места посвящено творческой биографии Г.Ф.Генделя, его взаимоотношениям с английскими либреттистами и отражению «Не-Я-концепции» в жанре оратории. Анализ музыки к кинофильмам сопровождается детальными комментариями зрительного ряда вкупе с их толкованиями в рамках того же подхода.

Несколько конкретных замечаний по тексту.

На с.61 автор диссертации говорит об убийстве отца Ф.М.Достоевского Михаила Андреевича. Следовало бы оговорить, что эту версию разделяют не все ученые, см. например, «Сетевое издание «Федор Михайлович Достоевский. Антология жизни и творчества», https://fedordostoevsky.ru/around/Dostoevsky_M_A/ (Дата обращения 16.04.2020).

На с.97 (прим.293) Г.Р.Консон упоминает о сомнении героя романа «Шагренева кожа» «в правоте тезиса Декарта» и комментирует это место следующим образом: «По всей видимости, известное изречение Р. Декарта «Cogito ergo sum» («Мыслю, следовательно, существую»). Но в оригинальном и переводном текстах романа это место звучит так – «он пребывал в состоянии философского сомнения, рекомендуемого Декартом», *demeurer dans le doute philosophique recom-mandé par Descartes*, следовательно, речь идет не о знаменитой максиме философа, а об одном из главных направлений его мысли, см. об этом Borderie, Régine. *Le corps de la philosophie: La Peau de chagrin // L'Année balzacienne*. 2001, №2, p.203, n.10 («il y a du Descartes en ce jeune homme qui doute de ses sens et des trompeuses

illusions qu'ils délivrent»), а также в целом: Дмитриев Т.А. Проблема методического сомнения в философии Рене Декарта. М., 2007.

На с. 128 говорится: «сын Карла Смелого Филипп II решил «испанизировать» Нидерланды и призвал на помощь католическую церковь, которая сжигала на кострах всех еретиков. В связи с утратой Нидерландами политической независимости, свидетелем которой стал Босх, главной задачей страны в её историческом движении к будущему явилась борьба народа за освобождение от иноземного церковного и светского гнёта». Эта характеристика эпохи (с отсылкой на очерк А.Левандовского) здесь не совсем точна. Филипп II был праправнуком Карла Смелого и сыном императора Карла V. Он унаследовал Нидерланды вполне законно и в принципе не собирался их «испанизировать», но лишь хотел сохранить власть метрополии над ними, как и господство католицизма в условиях Реформы. Так что Нидерланды только начали борьбу за независимость (до этого их автономия при бургундских герцогах была довольно урезанной) и в итоге таковую обрели через 80 лет только Северные Нидерланды – Республика Соединенных Провинций. Но Босх, не доживший до Реформации, и отчасти Брейгель (кроме последних лет, причем он не был протестантом, по меньшей мере открытым) не были свидетелями и современниками развития этих конфликтов.

На с. 144: «В 1464 году папа Иннокентий VIII издал буллу о ведьмах, известную по начальным словам: «Summis desiderantes» («С величайшим рвением»)» - событие относится к 1484 г. Его эффект здесь несколько преувеличен со ссылкой на 3 издание книги С.Г.Лозинского «История папства» 1986 г. Это полезная и сегодня книга весьма эрудированного автора, но ее первое издание относится к 1934 г., когда господствовала другая стилистика, требовавшая усиливать элементы антирелигиозной пропаганды. Что касается охоты на ведьм, то наибольшего размаха она достигла лишь в конце XVI и в середине XVII в., причем в протестантских странах была очень распространена. Инквизиционные репрессии в Нидерландах резко усилились также только в конце 60-х гг. XVI в.

На с.168 и прим.447. При обсуждении замысла «Пьеты» Микеланджело диссертант часто опирается на фактически художественное произведение Р.Кристофанелли «Дневник Микеланджело неистового», что в научном исследовании не очень уместно, тем более что практически все документальное наследие художника опубликовано и имеются его русские переводы.

Несколько замечаний о написании итальянских имен: на с.162 в прим.436 «Распятие» Антонеллы да Мессины – так было бы уместно склонять итальянское имя женщины, Антонелло да Мессина был мужчиной. На сс. 163 и 327, 331 правильно «Музей Барджелло», а не «де Барджелло» (барджелло – должность или функция, а не имя собственное). На с. 331 правильно «Санта Мария дель Фьоре» («Санто», видимо, опечатка). Имя Э.Кавальери автор пишет то без артикля, то как де'Кавальери, то как дель

Кавальери. Последний вариант ошибочный, де'Кавальери приемлемо, хотя по правилам русского языка такие итальянские фамилии пишутся без артикля, который в итальянском оригинале используется гораздо чаще. Например, Медичи, а не de'Medicì, хотя современная мания «исправлять» традицию ведет к появлению вариантов «де'Медичи».

В целом в оформлении текста остались небольшие недочеты: опечатки, пропуски слов, несогласованность, стилистически неудачные обороты, например, на с.166 о воскресении Христа на рельефе А.Вероккьо и об отношении «равнодушной к этому событию спящей охраны». Если охрана спит, каким может быть ее отношение к событию?

В заключение несколько выводов. Диссертант продемонстрировал, что предложенная им концепция приложима к очень многим произведениям литературы и искусства, в данном случае преимущественно классическим, причем постарался учесть все существующие в настоящее время разнообразные трактовки. Таким образом, выполнена поставленная им задача – «изучить особенности проявления феномена переживания катастрофы в европейских художественных практиках XV–XX веков в связи с понятием «Не-Я-концепция»» (с.21). Видимо, эта концепция отражает некоторые существенные черты ряда произведений в разных жанрах. Прделана огромная работа, сделаны попытки обобщения и типологизации отдельных стадий и проявлений изображения «Не-Я» в творчестве рассмотренных авторов на разных уровнях. Представленный к защите текст диссертации побуждает читателя к размышлениям, дает импульс дальнейшим изысканиям, поиску новых направлений исследования.

Тексты опубликованных работ соответствуют тексту диссертации. Таким образом, несмотря на сделанные замечания, с квалификационной точки зрения безусловно работа Григория Рафаэльевича Консона «Проявление «Не-Я-Концепции» и переживание катастрофы в европейских художественных практиках XV–XX веков» соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», и соискатель Григорий Рафаэльевич Консон заслуживает присвоения искомой степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры. Пункт 11 Приложения 1 к указанному Приказу диссертантом не был нарушен.

Член диссертационного совета
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской
Академии наук

Марк Аркадьевич Юсим

1 июня 2020 г.